

АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНЫХ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ ПРИЧИННОСТИ СЕРИЙНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Раскрывается алгоритм оценки исследовательской ценности отдельных теорий причинности серийных преступлений. Несмотря на то, что рассматриваемые теории обладают и теоретической, и практической значимостью, каждая из них имеет сильные и слабые аспекты. Результатом проведенного исследования выступил анализ целесообразности применения социальных и психологических теорий причинности к серийным преступлениям.

Ключевые слова: серийный преступник; серийный убийца; теории причинности; социальный фактор преступности; психологический фактор преступности.

Детерминантами преступного поведения традиционно называют комплекс биологических, социальных и психологических факторов. Рассмотреть все три группы факторов в рамках одной теории, имеющей практическую ценность, невозможно. Дело в том, что чем менее однообразен круг явлений, подлежащих исследованию, тем более абстрактны выводы, получаемые исследователем. Классическим примером является философское познание, исследующее весьма широкий круг явлений в рамках конкретного исследования и, как следствие, обладающее крайне мизерной практико-прикладной ценностью.

К группе социальных теорий причинности серийных преступлений следует отнести феминистическую теорию, теорию субкультур, и теорию мифа.

Содержательный анализ феминистической теории причинности серийных преступлений.

Содержание теории. К феминистическим теориям применительно к различным областям знания в нашей стране традиционно относятся очень скептически. Это обусловлено и предвзятостью исследователей феминистического толка [1. С. 111], и их порой некоторой научной недобросовестностью. Тем не менее применительно к серийным преступлениям данная теория вполне может быть применена.

Изменяющееся индустриальное общество породило новое восприятие традиционных социальных явлений. Явление преступности также было предложено пересмотреть в рамках так называемой критической (радикальной) криминологии. Радикальная криминология характеризуется крайне критическим отношением к классическим теориям преступности, к современным общественным, политическим, властным структурам и отношениям, что конечно не рационально, а также активным использованием эмпирики, что без сомнения позитивно. В критической криминологии Правонарушитель позиционируется как двойная жертва – общества и закона. «Вместо взгляда на некоторых людей как «плохие яблоки» или как причиняющих другим яблокам вред, критические криминологи видят в обществе «плохую корзину», в которой все больше яблок будет портиться... Решение – только в новой корзине» [2. С. 227]. Логика рассматриваемых исследователей в том, что если преступление – это то, что нарушает закон, то «в этом смысле единственной причиной преступления является сам закон» [3. С. 97].

Одним из направлений критической криминологии является феминистическая теория преступности, в которой выделяются два основных подхода. Либеральный феминизм утверждает, что причина преступности в особенностях социализации, связанных с полом. Радикальный феминизм утверждает – причина преступности в том, что «преступления – мужское, не женское поведение. Это мужская биологическая природа – быть агрессивным и господствовать» [4. С. 149–202; 5. С. 10]. Неудивительно, что радикальные феминистки, например, не признают понятия «насилие в семье», заменяя его на единственно возможное, по их мнению, «насилие против женщин».

Исследования 2011 г. показали, что числу исследований, которые нашли подтверждение феминистской теории (гендерное неравенство коррелировало или способствовало насилию против женщин), противостояло примерно такое же число исследований, которые опровергли эту теорию (высокое гендерное равенство, напротив, способствовало совершению насилия над женщинами) [1. С. 113].

Конечно феминистическая криминология не может быть признана абсурдной полностью, необходимо помнить о результативности исследований женской преступности, однако идеологическая ангажированность данного направления не должна быть забыта.

Больше идеологи, чем ученые, не всегда адекватные как исследователи, феминистки тем не менее совершенно правильно отметили крайнюю степень дисбаланса частоты встречаемости среди серийных преступников представителей разного пола. Женщины – серийные преступники явление, хотя не уникальное, но достаточно нераспространенное.

Учитывая все сказанное, становится ясной позиция исследователей феминистического направления о том, что «серийные убийцы в основном женоненавистнические мужчины, которые отыгрывают (свойственные им – прим. авт.) общественные гендерные отношения в крайней форме» [6. С. 2]. Уменьшая степень доминирования мужчин в обычной жизни, мы предотвращаем проявление этого доминирования в крайних формах в виде серийных преступлений.

Типовой образ серийного преступника, вытекающий из содержания теории. Серийный преступник, чье поведение обусловлено обстоятельствами рассматриваемой теории, объективно неадекватен, так как преисполнен агрессивности. Системообразующим

является незапланированность, стихийность события преступления, слабая организация его, широкий диапазон особенностей (внешних и личностных) жертв, отсутствие усилий по сокрытию следов преступления. Преступником будут предприняты действия, направленные на игнорирование личности жертвы – отказ от вступления в диалог, отказ от контакта глазами и пр.

Теоретическая состоятельность и ценность. Феминистический подход в отношении серийных преступников характеризуется уверенностью в том, что «сексуальное принуждение мотивируется силой, не похотью» [7. С. 124]. Однако проведенные исследования, как ранее уже неоднократно говорилось, подтверждают статистическую взаимосвязь между серийными преступлениями и сексуальной составляющей личности. В целом же концепция понимания преступности, базирующаяся исключительно на идее «вины» не человека, а большой группы лиц (общества, представителей определенного пола, нации, улицы), слишком сомнительна, исходя из современной (от древних времен до сегодняшнего дня) науки о преступлении.

Практическая ценность и область применения. Рассматриваемая теория является ярко выраженной объяснительной теорией. Область её применения лежит разве что в разработках содержания и алгоритмов воздействия на сознание обывателей, с выраженными системами либеральных ценностей.

Эмпирическая состоятельность. Феминистические теории опираются на малооспоримое утверждение о том, что «в последнее десятилетие количество женщин в тюрьме почти удвоилось, но их участие в преступлении по-прежнему минимально по сравнению с мужчинами» [8. С. 135]. Особенно данная статистика характерно для серийных преступников, в среде которых количество мужчин неизмеримо больше количества женщин. Поэтому с этой позиции рассматриваемая теория может быть признана эмпирически состоятельной. Однако утверждение о том, что «мужчины сексуально не возбуждаются от насилия как такового» [7. С. 76] не нашло эмпирического подтверждения, а наоборот противоречит всем имеющимся на данный момент результатам исследований.

Сильные стороны теории. К ним относятся исчерпываемость объяснения, простота и однозначность.

Слабые стороны теории. Проистекают из её односторонности (сложно представить социальный феномен, детерминируемый лишь одним фактором, тем более социальным (гендер), да еще и явно недостаточно изученным). Спорность гендерного миропонимания чужда отечественной правовой науке с её выраженной рациональностью и стремлением к объективности. Вероятно, что в будущем сторонники феминистической теории найдут для неё дополнительное обоснование, хотя бы для экстремальных феноменов, под который вполне подходит личность серийного преступника.

Политическая и доктринальная ангажированность. Политическая ангажированность крайне высока, так как рассматриваемая теория поднимает вопрос о сексизме, дискриминации, существующих в сфере

науки и уголовной политики, и призывает ученых и практиков прилагать усилия для минимизации этих проявлений. А так как для современного либерального общества крайне значимо понизить ценность основной производственной единицы современного общества (как правило европеоида, мужчины, 30–40 лет, состоящего в браке, гетеросексуального, имеющего детей, с приверженностью к традиционным видам религиозного мировосприятия), феминистические теории за рубежом активно насаждаются в науке и начинают распространяться у нас. Доктринальная ангажированность выражена слабо, особенно в нашей стране.

Современное состояние и перспективы развития. Современное состояние этой теории – на уровне большого количества заявлений и лозунгов, декларативных, слабосистематизированных. Однако имеются перспективы, если авторы перестанут ограничиваться декларативными выпадами ненаучного характера.

Содержательный анализ причинности серийных преступлений в теории субкультур.

Содержание теории. Традиционно говоря о теории субкультур, исследователи имеют в виду такое объяснение причин преступности, в котором основным движущим фактором выступает наличие социальных страт, обладающих системой общественного поведения и ценностей, существующих отдельно от господствующей системы поведения и ценностей и являющихся все же частью этой центральной системы.

Действительно, как показывает анализ, определенные группы лиц склонны к совершению значительной части всех преступлений. Так,

– «в Великобритании, например, чернокожие составляют лишь 2,8 процента всех граждан <...> 9 процентов всех арестованных лиц» [9. С. 143, 145];

– «менее чем 2 процента населения классифицируются как представители афро-карибского происхождения, составляя 12 процентов мужчин-заклоченных и 19 процентов женщин-заклоченных» [8. С. 178];

– традиционно «около 7 процентов популяции являются привычными преступниками, и они составляли 61 процентов всех деликвентов» [10. С. 210; 11. С. 47].

Учитывая, что «криминология оказывается в самоналоженном научном карантине, когда приходит понимание возможной связи между расой и поведением» [9. С. 137], исследования в этом направлении сегодня малоперспективны.

В целом «либеральная культурная теория предполагает, что преступление является коллективным проявлением отчаяния тех, кто маргинален в современном обществе» [8. С. 172]. Однако связь серийных преступлений с социокультурными или экономическими факторами не выявлена. Наоборот, подавляющее большинство серийных преступников – представители белой расы, среди которых достаточное количество экономически не бедствующих лиц.

Между тем, если рассматривать субкультуру не в социальном и экономическом, а исключительно в цивилизационном аспекте, данная теория может объяснить феномен серийных преступлений, как и любую форму асоциального поведения [12. С. 242].

Субкультурные группы делят часть элементов с господствующей культурной традицией (цивилизацией),

сохраняя и собственные нормы поведения и ценности. Сегодня официальная культура пропагандирует, хотя бы формально, монотеистические нравственные ценности (идеи добра). Однако параллельно с официальной культурой в современном обществе давно и прочно сложилась культура зла, культура «оборотней», например, предполагающая активный интерес обывателей к творчеству (живопись, графика) серийных преступников, выдаваемого за элемент культуры [13. С. 8].

Агрессия, как одна из системообразующих идей современного общества конкуренции и потребления, в значительной степени предопределяет мировосприятие и поведение обычных граждан. Рост преступности, уровня семейного насилия, социальной агрессивности, агрессивности сексуальной – явления одного порядка и следствие избыточного уровня агрессии, свойственного современности. Серийные преступления, как и террористические акты, выступают конечным результатом развития «культуры оборотней», конечным уровнем морального ослушания, исходящего из эгоистических интересов [14. С. 28].

Необходимо также учесть, что современная система образования, в том числе и отечественная последних двух десятилетий, не способствует интенсивному росту интеллекта популяции, что усиливает неспособность сопротивляться агрессивным установкам, а значит, предопределяет рост преступности [8. С. 57; 15. С. 62], в том числе, естественно, и серийной.

«59,7% опрошенных студентов заявили, что способны совершить агрессивное противоправное действие» [Там же. С. 119]. Заявили, не скрывая и без стеснения. Всё это вписывается в рамки последней разновидности теории субкультуры, выдвинутой М. Фольфангом и Ф. Ферракути в 1967 г. и получившей название теории насилия, в рамках которой представители субкультуры идентифицируют себя с насилием, не являющихся для них ни запретным, ни вызывающим ощущение вины.

Типовой образ серийного преступника, вытекающий из содержания теории. Серийный преступник, чье поведение обусловлено обстоятельствами рассматриваемой теории, должен выступать убежденным носителем негативной морали, базирующейся на отрицании монотеистической идеи добра. Это человек, исповедывающий философию сверхчеловека и презирающий жертвы своих преступлений. Системообразующим является фактор нанесения большого количества побоев, усилия преступника направлены на подчинение жертвы. Лица, криминальное поведение которых можно объяснить в рамках теории субкультур, не склонны к сокрытию своей жизненной философии и асоциальности образа жизни.

Теоретическая состоятельность и ценность. Утверждение, что в основе асоциального поведения лежат не социальные и экономические, а культурные условия существования человека [12. С. 242], опираются на философские воззрения подавляющего большинства религий. Выбор правильной и неправильной морали составляет одно из системообразующих прав человека в таких религиях, как христианство, зороастризм, ислам, а следовательно, природа этого выбора изучается уже давно.

Иным аспектом теоретической ценности рассматриваемой теории является распространенное и нашедшее широкое подтверждение в различных научных теориях положение о влиянии на конкретного человека внешних условий, в которых он существует. Культура же общества является одним из таких базовых элементов, формирующих реальность человеческого существования.

Учитывая длительную историю человечества, имеющего богатый опыт осмысления проблем выбора между добром и злом, теоретическую состоятельность рассматриваемой теории можно считать достаточной.

Практическая ценность и область применения. Рассматриваемая теория является преимущественно объяснительной. Использование положений теории субкультур применительно к серийным преступлениям позволит лицу, производящему расследование, оценить социальную опасность подозреваемого посредством анализа его морально-эстетических воззрений и интересов, которые выявляются в процессе наблюдения или проведения следственных действий. Эти же свойства личности послужат фрагментами поискового профиля неизвестного преступника.

Эмпирическая состоятельность. Статистика показывает, что существует обособленная группа серийных преступников, исповедывающих философию силы, сверхчеловека, философию агрессии, в том числе сексуальной. Так, например, «Банди (Теодор Банди – от авт.) утверждал, что насильственная порнография начала медленно формировать его смутные фантазии и предопределила конкретные идеи и действия» [16. С. 119]. Маскулинность образа серийного преступника выдерживается значительным количеством представителей этой криминальной группы.

Сильные стороны теории. К преимуществам теории относятся: исчерпываемость объяснений, естественная логичность, простота.

Слабые стороны теории. Проистекают из неоднозначности феномена культуры, сложности оценки ее влияния как процесса не разового, а растянутого во времени, характеризующегося различной интенсивностью и многообразием форм проявлений. Не способствует широкому признанию также отсутствие в рассматриваемой теории причинности серийных преступлений материального носителя, её слабой связи с естественнонаучными областями знания, а следовательно, частая голословность утверждений, порой прячущаяся за неоднозначными статическими данными.

Политическая и доктринальная ангажированность. Политическая ангажированность крайне высока, так как не предполагает существование реального виноватого (конкретного лица, или властной структуры), что автоматически переносит вину на государство. Обвинение современной культуры в «некультурности» – одна из любимых тем общественных деятелей и медийных субъектов, не предполагающих производство выводов. Доктринальная ангажированность низка, так как в условиях современного индустриального общества крайне непопулярна идея цензуры агрессивности в СМИ и художественных произ-

ведениях. Исключением является практика формальных локальных запретов на излишнюю агрессивную атрибутику в культурных произведениях (возрастные рейтинги, ретуширование произведений, абсурдная социальная реклама на фоне окружающей агрессии).

Учитывая же, что культура есть отображение экономических процессов, как-то корректировать первое без коррекции второго невозможно, а корректировать экономические процессы в целях достижения второстепенных задач нереально.

Современное состояние и перспективы развития. Современное состояние теории – на уровне многократного повторения общеизвестных фактов, которое ввиду политической и доктринальной ангажированности не предполагает дальнейших серьезных перспектив развития.

Содержательный анализ причинности серийных преступлений в теории мифа.

Содержание теории. В рамках многообразия подходов данной теории просто не может не быть. Пусть она, на поверхностный взгляд, имеет некоторый конспирологический оттенок, но целесообразность ее существования предельно высока.

Идеология любого государства встраивает в себя блок отношения к преступности, от непримиримого в тоталитарных государствах [17. С. 87], до крайне либерального в современных индустриально развитых государствах. В последнем случае наблюдается фактическое существование двух систем правосудия – для элиты и её окружения и для остальных граждан. В отечественной науке, например, принято рассматривая феномен коррупции, приписывать его детерминанты или текущей власти, или обществу (нации) в целом. Без сомнения, данные утверждения не имеют под собой никакой основы. Феномен коррупции является естественным и распространенным во всех индустриально развитых государствах, просто в некоторых с ним борются эпизодически в рамках информационных кампаний (КНР), а в либеральных (Европа, Северная Америка, Россия) только создают видимость борьбы. Борьба с преступностью в современном индустриальном государстве подрывает её экономический базис, так как сфера борьбы с преступностью тесно интегрирована в экономику её государства.

Доказательством фактического отсутствия намерений борьбы с преступностью является феномен ротационной пенитенциарной системы. Ротационная пенитенциарная система предельно интересный феномен, который выступает нормой для индустриально развитых демократий, начиная с начала XX в. Прежде всего, перед данной пенитенциарной системой стоит задача поддержания высокого уровня ротации криминального контингента в социуме, тем самым решая ряд подзадач. К числу данных подзадач относятся: поддержание стабильно высокого уровня преступности в государстве, обеспечение рабочих мест в пенитенциарной системе для законопослушных граждан, внедрение в социум центробежных идей, формирование альтернативной правопослушному поведению ментальности, создание образа внутреннего врага у обывателя. Задачи кары и исправления перед данной системой *de facto* не стоят, впрочем, как и постулиру-

емые задачи защиты прав и свобод. Основная задача рассматриваемой системы предельно утилитарна – поддержание преступности на таком уровне (как правило, достаточно высоком), который бы отвлекал от критичного восприятия деятельности власти. Справедливости ради отметим, что данная мысль высказана нами далеко не первыми, но обычно отечественные авторы относят её только к реалиям нашей страны [18. С. 3], что ошибочно.

На данный момент в обществе активно, хотя порой и опосредованно, формируется и поддерживается страх перед двумя разновидностями преступности – террористической и серийной. И если терроризм как реальная угроза стал рекламироваться в СМИ достаточно недавно, то создание страха перед серийными преступниками, прежде всего серийными сексуальными убийцами, насчитывает уже больше века.

Суть рассматриваемой теории в том, что серийные преступления как однородная самостоятельная группа не существуют. На самом деле серийные преступления представлены криминальными действиями разрозненных психически неадекватных людей, действия которых СМИ пытаются подать как уникальные и однородные по своей зловещей природе. В реальности же «серийный убийца» просто «сумасшедший», цель пиара которого испугать обывателя. Переключение внимания обывателя на выдуманную уникальную угрозу – прием старинный, но в случае с серийными преступниками особо эффективен в силу непонятности, кровавости и непредсказуемости. Неудивительно, что показатель деятельности правоохранительных органов для населения очень часто связан с возможностью противодействия серийным преступникам.

Если предположить, что серийные преступники психически неадекватны, то становится понятной та степень чуждости, неадекватности и неестественности уровня агрессии, наблюдаемого в серийных преступлениях. Идея о психической неадекватности не противоречит предположение о том, что лица, ошибочно принимаемые за серийных преступников, являются разновидностью адриналиновых наркоманов, зафиксированных на адриналиновых выплесках в процессе полового акта [19. С. 56].

Типовой образ серийного преступника, вытекающий из содержания теории. Серийный преступник, чье поведение обусловлено обстоятельствами рассматриваемой теории, объективно неадекватен, так как обладает труднопонимаемой для психически адекватного человека логикой. Системообразующим является незапланированность, стихийность события преступления, слабая организация его, широкий диапазон особенностей (внешних и личностных) жертв, отсутствие усилий по сокрытию следов преступления. Также ярким маркером данной личности будут выступать действия, не доведенные до конца, интенсивные хаотические перемещения по месту преступления, отсутствие проявлений единого замысла.

Теоретическая состоятельность и ценность. Рассматриваемая теория фактически является исследовательским аутсайдером ввиду её кажущейся конспирологической природы. С одной стороны, не мо-

жет сложная организация (власть) не иметь скрытых рычагов управления ситуацией (населением). Утверждать обратное просто смешно. С другой стороны, ведение исследований в данном направлении по умолчанию непатриотично как минимум. Для криминологов данная теория интересна как феномен возникновения исследовательских мифов. Мифология давно стала объектом научного исследования в медицине (новые «смертельные» болезни), истории (новое прочтение исторических реалий), экономике (денежная эмиссия и экономические «законы»), политологии (криптократическое устройство власти). Неудивительно, что криминология не стала исключением и многие мифы подлежат научному рассмотрению.

Практическая ценность и область применения. Будучи подтвержденной, данная теория предопределяет целесообразность привлечения к расследованию «серийных» преступлений специалистов-психиатров, а судебная практика по серийным преступлениям должна быть переориентирована в плоскость медикоментозного излечения.

Эмпирическая состоятельность. Такова совершенно не подтверждается при анализе всей совокупности серийных преступников различных видов как единого целого. Слишком различаются особенности личности отдельных серийных преступников, слишком неоднородная выборка. Не может реально существовать феномен, столь сильно варьирующий на уровне частных конкретных случаев. Одновременно с этим именно данная теория объясняет тот факт, что подавляющее большинство серийных преступлений зафиксированы на территории США, государства, в котором наиболее развита система информационного подавления как отдельной личности, так и населения в целом. Сам же феномен серийных преступлений сегодня в основном характерен для индустриальных государств с выраженной «демократической» составляющей, характеризующейся такой же степенью информационной «свободы». Доказательством состоятельности данной теории применительно к нашей стране будет крайне высокая частота встречаемости серийных преступников в Ростовской области, в которой, напомним, практико-исследовательская мысль действительно ориентирована на практическое противодействие серийным преступлениям в форме штата специальных аналитиков, специальных отделов в научно-исследовательских учреждениях, активной системы мониторинга серийной преступности и иным факторам.

Сильные стороны теории. К таким относятся исчерпываемость объяснения, естественная логичность, простота и однозначность.

Слабые стороны теории. Проистекают из ее односторонности (сложно представить социальный феномен, детерминируемый лишь одним фактором), объективной слабой проверяемости. Отметим, что рассматриваемая теория также может быть объективна лишь частично, если рассматривать ситуацию, в которой предполагается реальное существование небольшого количества серийных преступников, феномен которых искусственно «раздут» с ранее перечисленными целями.

Политическая и доктринальная ангажированность. Политическая ангажированность крайне низка ввиду некоторой экстремальности данной теории, так как противоречит самой идее благодати власти в государстве и объективности только её позитивного отношения к населению. О доктринальной ангажированности говорить сложно, ввиду того, что рассматриваемый вариант выходит за рамки привычных представлений.

Современное состояние и перспективы развития. Находятся на уровне постановки научной проблемы, без реальных перспектив развития.

К группе личностных теорий причинности серийных преступлений следует отнести теорию личностного разрушения (психотравмы) и теорию эволюции.

Содержательный анализ причинности серийных преступлений в теории личностного разрушения (психотравмы).

Содержание теории. Теория личностного разрушения базируется на положении о том, что серийные преступления есть попытка преступника заново пережить психотравмирующую ситуацию.

Серийные преступники в своей криминальной деятельности руководствуются фантазиями [19. С. 53], в которых они, как правило, мстят кому-либо за собственные проблемы, обиды или неудачи. Таким образом, мы наблюдаем в акте убийства месть иным субъектам, реализуя которую преступник стремится заново пережить психотравмирующие обстоятельства и решить проблемную ситуацию если не с выгодой для себя, то хотя бы минимизируя негативные последствия для своей личности.

Имея проблемы с чувством собственного достоинства, серийные преступники склонны транслировать вину за это на других лиц [20. С. 178], что часто предопределяет возникновение у серийного преступника ряда психических отклонений в виде психопатий или социопатии. Именно «в нарушении механизма саморегуляции существенную роль играют психические и личностные аномалии, не исключающие вменяемости» [21. С. 95]. Неудивительно, что ряд серийных преступлений, таким образом, представляют из себя крайнюю степень парафилического континуума [22. С. 6]. Гармонично вписывается в рассматриваемую теорию и склонность серийных преступников на начальном этапе становления криминальной личности мучать животных [23. С. 251].

Сторонники рассматриваемой теории полагают, что логическая цепочка «психотравма – стресс – тревожность – фантазии – срыв» является системообразующей в природе поведения серийного преступника.

Учитывая взаимосвязь роста непатологических психических аномалий с процессами социальной нестабильности, к рассматриваемой теории примыкает одноименная теория. Теория социальной нестабильности исходит из постулата о социальной нестабильности как причине девиантного поведения и традиционно «исповедуются» социальными работниками. Согласно этому постулату преступники «являются продуктом бедной социально-экономической среды и обращаются к преступлению в связи с необходимостью» [11. С. 47]. Неудивительно, что подобное мнение исследователи относят и к серийным преступникам [24. С. 161].

Типовой образ серийного преступника, вытекающий из содержания теории. Серийный преступник, чье поведение обусловлено обстоятельствами рассматриваемой теории, склонен к самоутверждению за счет унижений жертв, в силу испытанных проблем в детстве. Системообразующим является фактор направленности усилий прежде всего на прижизненное унижение жертвы. Преступник с данной формой становления выбирает слабую жертву, представляя из себя выраженного невротика с невысокой социальной адаптацией.

Теоретическая состоятельность и ценность. Идея психотравмы является традиционной для объяснения человеческого поведения, начиная с работ З. Фрейда, поэтому теоретическая состоятельность данной теории очень высока. Одновременно с этим теория базируется еще и на социальной составляющей как одной из базовых, что предопределяет комплексность рассмотрения проблемы.

Методологически рассматриваемая теория базируется на биографическом методе исследования, состоящим из сбора и обобщений сведений о фактах из жизни обвиняемого в хронологическом порядке. Данный метод позволяет интерпретировать жизнь обвиняемого как единый процесс, изучаемый как на уровне всего жизненного пути обвиняемого, так и его отдельного периода [26. С. 167–171; С. 54].

Практическая ценность и область применения. Рассматриваемая теория исходит из того, что следствием психотравмы выступает ряд специфических фантазий у преступника. «Фантазия является движущим элементом в жизни серийного убийцы. Элементы фантазии наблюдаются на месте преступления и внутри самого убийства» [19. С. 57]. Фантазии очень жестко определяют неизменность преступного поведения серийного преступника в выборе жертвы, способа, места преступления и т.д. [27. С. 23], что предопределяет саму возможность составления психологического профиля неизвестного серийного преступника. Биографические факты, установленные исследователями, становятся поисковыми приметами неизвестного серийного преступника, предопределяя общие контуры его личности, что крайне важно при составлении его психологического профиля.

Эмпирическая состоятельность. Статистически установлено, что для серийных преступников в высокой степени характерно наличие психологических травм. Часто данные травмы достигают уровня, предопределяющего личностное разрушение и постоянно переживаются у субъектов как в обычной, так и в криминальной жизни.

Сильные стороны теории. К ним относятся исчерпываемость объяснения, естественная логичность, простота, объективная высокая проверяемость.

Слабые стороны теории. Проистекают из неопределенности степени психотравмы как условия формирования личности серийного преступника. Отсутствие типологического подхода в современных криминологических исследованиях приводит к тому, что исследователю крайне сложно объяснить, почему, например, для одного развод родителей системообра-

зующая трагедия, а для другого – негативный биографический факт. Дополнительной слабостью теории является проблемность определения интенсивности психологической травмы и её источника в каждом конкретном случае. В целом анализ статистической информации показывает явно неадекватную частоту встречаемости ряда биографических фактов в жизни серийных преступников.

Так, в отношении Д. Дамера исследователи указывают на обстоятельства, встречающиеся в обычной жизни очень часто и уникальными не являющимися. «В отличие от большинства серийных убийц, которые по большей части <...> рабочий класс, Дамеры происходили из комфортабельного среднего класса. Но его родители постоянно ссорились. Он, очевидно, страдал от глубокого чувства неуверенности и неполноценности, отчасти потому, что ему казалось, что родители предпочитали ему младшего брата Дэйва» [28. С. 268].

Отметим также, что ряд ученых недооценивают значимость психологического фактора как системообразующего, утверждая, что «с позиций только чистой психологии загадку их (серийных убийц – от авторов) феномена во всей его полноте, степени сложности и противоречивости вряд ли можно объяснить надлежащим образом» [29. С. 56].

Политическая и доктринальная ангажированность. Политическая ангажированность средняя, так как снимает часть вины с преступника, перекладывая её на его окружение. Таким образом, одна из задач радикальной криминологии выполнена, преступное событие имеет место, а вина с преступника переложена на иной субъект. Доктринальная ангажированность высока, так как отрицает фактически «вину» государства, переводя генезис становления серийного преступника на уровень случайного события. Одновременно с этим, ввиду стихийности возникновения каждого конкретного случая, снимает «вину» с властных структур за отсутствие профилактики серийных преступлений.

Современное состояние и перспективы развития. На сегодняшний день наиболее признанная теория, нашедшая большое количество сторонников; активно развивается в наши дни и имеет серьезные перспективы развития.

Содержательный анализ эволюционной теории причинности серийных преступлений.

Содержание теории. В основе эволюционного подхода лежит идея, что психические закономерности, обусловившие поведение серийных преступников, являются не проявлением их дегенеративности, а являются отражением специфического эволюционных изменений психики. Эволюционность изменений не говорит об их правильности, желательности, а свидетельствует о некоей оптимизации психического потенциала, пусть и крайне нетрадиционной.

Эволюционный феномен (феномен «маски нормальности») серийного преступника нами объясняется тем, что особенности его психики позволяют сбросить весь груз бессознательного напряжения в одномоментном акте, что приводит к исчезновению предпосылок функционирования механизмов защиты психики. Серийный убийца не притворяется нормальным человеком, после совершения преступления, лишенный груза

неосознаваемого психического напряжения, он представляет собой образец психически здорового, абсолютно уравновешенного человека. Самоактуализация в процессе убийства, в данном случае, есть форма балансировки психики, а под «маской нормальности» серийного преступника предопределяется состояние психической стабильности, возникающее вследствие одномоментного выброса бессознательной энергии.

К рассматриваемой теории прилагает одноименная теория, популярная среди зарубежных исследователей. В рамках данной теории ввиду различных причин в сознании серийных преступников четко просматривается, что они «развились на более высокую ступень по сравнению с остальным человечеством, потому что они не только признают необходимость в устранении более слабой части общества, но и потому, что у них есть сила, мужество и храбрость, чтобы осуществить такой акт» [19. С. 203]. Осознание себя своеобразными спартанцами-аристократами, долг которых заключается в периодическом прореживании илотов-обывателей, предопределяет крайне специфическую жизненную философию преступника, уникальную даже среди представителей криминального мира. Одной из особенностей рассматриваемого мировосприятия является формирование такого личностного свойства, как патологическая лживость. Так, «в то время как большинство серийных убийц не заслуживают доверия и часто лгут относительно их преступлений, то эволюционный тип серийного хищника лежит о каждом аспекте своей жизни» [19. С. 205].

Типовой образ серийного преступника, вытекающий из содержания теории. Серийный преступник, чье поведение обусловлено обстоятельствами рассматриваемой теории, в своей деятельности будет актуализировать момент охоты за жертвой, её незамеченное преследование. Без сомнения, для преступника рассматриваемого типа актуальным является постпреступное переживание произошедшего, что обуславливает высокую привязанность преступника к трофеям преступления и коллекционированию источников о преступном событии (газетных статей, интернет-обзоров, интервью с экспертами). В обычной жизни преступник рассматриваемого типа высокоспециализирован, часто достигающий достаточных статусных успехов в обществе.

Теоретическая состоятельность и ценность. Высокая теоретическая ценность предопределена уникальностью подхода, в основе которого лежит психологическое знание. Само понимание серийного преступника как уникального образования предопределяет понимание, что обычными психическими механизмами его поведение объяснено быть не может [19. С. 142]. Человеку в здравом уме не понять логику, которой руководствуется лицо с шизоидальным расстройством психики. Так и при исследовании серийных преступников необходимо понимать системно-образующие элементы их мировосприятия.

Так как «маска нормальности» вполне может являться следствием психологической травмы, можно говорить о системности рассматриваемого феномена. Четкие логические переходы можно выявить, сравнивая эволюционную теорию и теорию R-комплекса.

Надо сказать, что рассматриваемая теория очень сочетается со многими рассматриваемыми в текущем параграфе подходами. Учитывая сказанное, теоретическую состоятельность рассматриваемой теории можно считать достаточно высокой.

Практическая ценность и область применения. Рассматриваемая теория не является объяснительной, так как раскрывает модели поведения серийного преступника во время преступного события и в его обычной жизни. Прикладная ценность понимания состоит в том, что серийный преступник в своей обычной некриминальной жизни является достойным членом социума и традиционно вызывает мало подозрений на первоначальном этапе расследования серийных преступлений или в период расследования первых преступных событий начала серии.

Знание природы механизма «маски нормальности» поможет как прогностически, так и ретроспективно выявить в поведении предполагаемого преступника периоды синусоидного изменения уровня социальной адаптированности. Сравнивая рамки этих периодов и даты преступных событий, можно получить основание для выдвижения версии о причастности к серии преступлений анализируемого лица.

Эмпирическая состоятельность. Как показывает практика расследования серийных преступлений, серии могут тянуться годами, безотносительно страны, культуры и мощи правоохранительных органов. Нельзя проблемы расследования серийных преступлений списывать только на неочевидность серийных преступлений и цепочки случайностей. Рассматриваемая теория объясняет сложности расследования высоким психическим потенциалом серийного преступника. Таким образом, эмпирическая состоятельность эволюционной теории достаточно высока.

Сильные стороны теории. Относятся исчерпываемость объяснения, естественная логичность, однозначность.

Слабые стороны теории. Проистекают из её односторонности (сложно представить социальный феномен, детерминированный лишь одним фактором), объективно ограниченной группы серийных преступников. Дополнительной слабостью теории является малая исследованность действия механизмов неосознанной психической защиты в прикладных правовых исследованиях.

Политическая и доктринальная ангажированность. Сам факт превосходства, хотя бы в чем-то, представителя криминального мира над законопослушным гражданином неприятен и обывателям, и исследователям, что делает политическую ангажированность невысокой. Политическая ангажированность дополнительно понижается, так как вина в преступном событии полностью лежит на преступнике, что противоречит либеральной традиции мировосприятия. Доктринальная ангажированность в принципе не выражена, так как теория достаточно нейтральна относительно основных доктринальных постулатов права.

Современное состояние и перспективы развития. Современное состояние, перспективы развития рассматриваемой теории – на уровне постановки научной проблемы, с значительными перспективами развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лысова А.В. О границах радикальной феминистской теории в объяснении насилия в семье // Социс: Социологические исследования. 2012. № 4. С. 110–117.
2. Einstadter W., Henry S. *Criminological theory: an analysis of its underlying assumption*. Fort Worth: Harcourt Brace College Publishers, 1995. 358 p.
3. Новые направления в социологической теории. М.: Прогресс, 1978. 392 с.
4. Pontell H. *Social deviance: readings in theory and research*. Prentice Hall, Upper Saddle River, 1999. P. 149–202
5. Mills L.G. *The heart of intimate abuse: new interventions in child welfare, criminal justice, and health settings*. NY : Springer Publishing Company, 1998. 296 p.
6. Godwin G.M. *Hunting serial predators: a multivariate classification approach to profiling violent behavior*. NY : CRC Press, 2000. 344 p.
7. Thornhill R., Palmer C.P. *A natural history of rape*. Cambridge, MA : The MIT Press, 2000. 272 p.
8. *Theories of crime* / ed. by Marsh I. NY : Routledge, 2006. 205 p.
9. Wright J.P. Inconvenient truths: science, race, and crime / *Contemporary biosocial criminality* / edited by Anthony Walsh and Kevin M. Beaver. NY : Routledge, 2009. P. 137–153.
10. DeLisi M. Neuroscience and the Holy Grail: Genetics and Career Criminality / *Contemporary biosocial criminality* / ed. by Anthony Walsh and Kevin M. Beaver. NY : Routledge, 2009. P. 209–224.
11. Trier T.A. *Criminal enterprise investigation*. Boca Raton : CRC Press, 2017. 215 p.
12. Cederman L.E. Articulating the geo-cultural logic of nationalist insurgency / *Order, conflict, and violence* / ed. by S. N. Kalyvas, I. Shapiro, T. Masoud. Cambridge, Cambridge University Press, 2008. P. 242–270.
13. Morrall P. *Murder and society*. Atrium, John Wiley & Sons Ltd, 2006. 208 p.
14. *Conflicts of law and morality* / ed. by T. Honore, J. Raz Oxford : Oxford University Press, 1987. 400 p.
15. Старшиков Ю.В. Стилиевые детерминанты противоправного агрессивного поведения личности : дис. ... канд. психол. наук. Сочи, 2004. 156 с.
16. Vronsky P. *Serial killers: the method and madness of monsters*. NY : Berkley books, 2004. 412 p.
17. Старков О.В. Криминальная субкультура. М.: Волтер Клуб, 2010. 240 с.
18. Анисимков В.М. Тюремная община: «вехи» истории. Историко-публицистическое повествование. М., 1993. 72 с.
19. Kurtz Ch.J., Hunter R.D. *Dark truths: modern theories of serial murder*. London, Virgin Books Ltd, 2004. 229 p.
20. Philbin T., Philbin M. *The killer book of true crime: incredible stories, facts and trivia from the world of murder and mayhem*. NY : Sourcebooks, 2007. 344 p.
21. Ратинова Н.А. Саморегуляция поведения при совершении агрессивно-насильственных преступлений : дис. ... канд. психол. наук. М., 1998. 229 с.
22. Purcell C.E. *The psychology of lust murder: paraphilia, sexual killing, and serial homicide*. NY : Elsevier Inc, 2006. 173 p.
23. Davis C.A. *Sadistic killers: profiles of pathological predators*. Chichester, Summersdale Publishers, 2007. 352 p.
24. Prins H. *Offenders, deviants or patients? 2-nd ed*. NY : Herschel Prins, 1995. 332 p.
25. Юань В.Л. Сравнительный анализ подходов к определению объема изучения личности преступника: дискуссия и пути её решения // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 420. С. 167–171
26. Откидач А.О. Изучение личности обвиняемого на предварительном следствии / под ред. А.Ф. Волынского. М.: Юрлитинформ, 2013. 184 с.
27. Eterno J.A., Roberson C. *The detective's handbook*. NY : CRC Press, 2015. 380 p.
28. Wilson C. *Serial killer investigations*. Chichester : Summersdale Publishers, 2007. 320 p.
29. Корма В.Д., Образцов В.А. Криминалистическое распознавание по делам о серийных убийствах (научная основа и практика). М.: Юрлитинформ, 2015. 184 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 15 июня 2018 г.

ANALYSIS OF SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL THEORIES OF THE CAUSALITY OF SERIAL CRIMES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 433, 171–179.

DOI: 10.17223/15617793/433/24

Natalia V. Akhmedshina, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dana74@mail.ru

Keywords: serial criminal; serial killer; causality theory; social factor of crime; psychological factor of crime.

The article reveals the algorithm for evaluating the research value of individual causality theories of serial crimes. Despite the fact that the theories under consideration have both theoretical and practical significance, each of them has strong and weak aspects. Analysis of these aspects was the aim of the study. The result of the study was an analysis of the advisability of applying social and psychological theories of causality to serial crimes. In the conducted research, the following general scientific methods were used: analysis, synthesis and system-structural one. The following private-science methods were used in the study: biographical, statistical, comparative-historical analyses and expert evaluation. Among the factors useful for determining the value of the theory of causality of serial crimes, the following criteria of analysis were assigned: the content of the theory; the typical image of a serial criminal, resulting from the content of the theory; theoretical consistency and value; practical value and scope; empirical validity; strengths of the theory; weaknesses of the theory; political and doctrinal bias; current state and development prospects. These criteria were used in the content analysis of a group of social and psychological theories of the causality of serial crimes. This group includes such well-known social theories as the feminist theory, the theory of subcultures, the theory of myth, and such psychological theories as the theory of personal destruction (psychotrauma) and the theory of evolution. The feminist theory explains the criminal behavior of serial criminals as the absolutization of the spirit of aggressiveness inherent in men. The theory of subcultures emphasizes the existence of social strata possessing a system of social behavior and values that exists separately from the dominant system of behavior and values. The theory of myth develops the thesis about the conspiratorial nature of separating serial crime as a method of social control of the population. The theory of personal destruction (psychotrauma) presupposes the existence in the structure of the psyche of a serial criminal of the destructive effects of psychotrauma obtained in childhood, as a rule. The theory of evolution is based on the idea that the behavior of serial criminals is not a manifestation of their degenerality, but reflects specific evolutionary changes in the psyche. One of the main ideas is the thesis about the targeting of each theory of causality of serial crimes.

REFERENCES

1. Lysova, A.V. (2012) On the limits of radical feminist theory in explaining intra-family violence. *Sotsis: Sotsiologicheskie issledovaniya – Socis: Sociological Studies*. 4. pp. 110–117. (In Russian).
2. Einstadter, W. & Henry, S. (1995) *Criminological theory: an analysis of its underlying assumption*. Fort Worth: Harcourt Brace College Publishers.
3. Osipov, G.V. (ed.) (1978) *Novye napravleniya v sotsiologicheskoy teorii* [New directions in the sociological theory]. Moscow: Progress.
4. Pontell, H. (1999) *Social deviance: readings in theory and research*. Prentice Hall: Upper Saddle River. pp. 149–202
5. Mills, L.G. (1998) *The heart of intimate abuse: new interventions in child welfare, criminal justice, and health settings*. NY: Springer Publishing Company.
6. Godwin, G.M. (2000) *Hunting serial predators: a multivariate classification approach to profiling violent behavior*. NY: CRC Press.
7. Thornhill, R. & Palmer, C.P. (2000) *A natural history of rape*. Cambridge, MA: The MIT Press.
8. Marsh, I. (ed.) (2006) *Theories of crime*. NY: Routledge.
9. Wright, J.P. (2009) Inconvenient truths: science, race, and crime. In: Walsh, A. & Beaver, K.M. (eds) *Contemporary biosocial criminality*. NY: Routledge.
10. DeLisi, M. (2009) Neuroscience and the Holy Grail: Genetics and career criminality. In: Walsh, A. & Beaver, K.M. (eds) *Contemporary biosocial criminality*. NY: Routledge.
11. Trier, T.A. (2017) *Criminal enterprise investigation*. Boca Raton: CRC Press.
12. Cederman, L.E. (2008) Articulating the geo-cultural logic of nationalist insurgency. In: Kalyvas, S.N., Shapiro, I. & Masoud, T. (eds) *Order, conflict, and violence*. Cambridge: Cambridge University Press.
13. Morrall, P. (2006) *Murder and society*. Atrium: John Wiley & Sons Ltd.
14. Honore, T. & Raz, J. (eds) (1987) *Conflicts of law and morality*. Oxford: Oxford University Press.
15. Starshikov, Yu. V. (2004) *Stilevye determinanty protivopravnnogo agressivnogo povedeniya lichnosti* [Stylistic determinants of unlawful aggressive behavior of a person]. Psychology Cand. Dis. Sochi.
16. Vronsky, P. (2004) *Serial killers: the method and madness of monsters*. NY: Berkley Books.
17. Starkov, O.V. (2010) *Kriminal'naya subkul'tura* [Criminal subculture]. Moscow: Volter Klub.
18. Anisimkov, V.M. (1993) *Tyuremnaya obshchina: "vekhi" istorii. Istoriko-publitsisticheskoe povestvovanie* [The prison community: "milestones" of history. Historical and journalistic narration]. Moscow: Otechestvo.
19. Kurtz, Ch.J. & Hunter, R.D. (2004) *Dark truths: modern theories of serial murder*. London, Virgin Books Ltd.
20. Philbin, T. & Philbin, M. (2007) *The killer book of true crime: incredible stories, facts and trivia from the world of murder and mayhem*. NY: Sourcebooks.
21. Ratnova, N.A. (1998) *Samoregulyatsiya povedeniya pri sovershenii agressivno-nasil'stvennykh prestupleniy* [Self-regulation of behavior in the commission of aggressive violent crimes]. Psychology Cand. Dis. Moscow.
22. Purcell, C.E. (2006) *The psychology of lust murder: paraphilia, sexual killing, and serial homicide*. NY: Elsevier Inc.
23. Davis, C.A. (2007) *Sadistic killers: profiles of pathological predators*. Chichester: Summersdale Publishers.
24. Prins, H. (1995) *Offenders, deviants or patients?* 2nd ed. NY: Herschel Prins.
25. Yuan, V.L. (2017) The comparative analysis of approaches to determining the scope of studying a criminal's personality: the problem and ways to solve it. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 420. pp. 167–171. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/420/25
26. Otkidach, A.O. (2013) *Izuchenie lichnosti obvinyaemogo na predvaritel'nom sledstvii* [The study of the identity of the accused at the preliminary investigation]. Moscow: Yurlitinform.
27. Eterno, J.A. & Roberson, S. (2015) *The detective's handbook*. NY: CRC Press.
28. Wilson, C. (2007) *Serial killer investigations*. Chichester: Summersdale Publishers.
29. Korma, V.D. & Obraztsov, V.A. (2015) *Kriminalisticheskoe raspoznavanie po delam o seriynykh ubiystvakh (nauchnaya osnova i praktika)* [Forensic recognition in cases of serial killings (scientific basis and practice)]. Moscow: Yurlitinform.

Received: 15 June 2018